

Модель
в 1920-е годы

Перевесом лет один на сорос назад. Пролетки, поселявшиеся вчетвером в коммунальном переулке, домик или по каким делам, приходилось нередко пропираться сквозь густую толпу. Люди, ее составлявшие, выглядели довольно-таки разнообразно — и по возрасту, и по внешнему облику. Иные заводнички мод того времени — в широких беловорсовых плащах, в двубортных пальто из тяжелого сукна. Другие, случалось, и в ватниках. Или же донашивали шинели вернувшихся с войны отцов, офицерские кителя со спортивными погонами, с дырочками на груди от орденков и медалей. Кто-то из прохлотов обладал броской «Оливой» с кожаной отделкой.

Неподалеку на углу Горького (ныне Тверская — ох уж эти переименования!) выходили пропрыгивать «сталисты», любимые персонажи карикатуристов журнала «Крокодил». В допотопных пиджаках с вышитыми плечами, в бранных дубочках, в талстуках с завышенным размером «буланчиков» головы. Присели с непринимчивым выкриком «ах!» на Пушкинской улице, по так называемому «Вордлею», в Восточной трубе стадиона «Динамо» в те же вечерние часы — футбольные болельщики.

Ну а упоминаемые «сыры» — вечерами гулявшие в Колышевском переулке, возле тогдашнего филиала Большого театра, у его служебного подъезда.

Кто же они такие были? Как обобщить это на-

званием «сыр» не называл своего кумира по фамилии или по имени-отчеству — кумир, и все тут. Самыми многочисленными были кумиры «искусства» и «любопытства». На обеих сценах Большого театра в одно и то же время выступали два великих русских певца — Иван Козловский и Сергей Лемешев.

Судьбы их можно назвать и счастливыми, и по своему трагичными. В стране они пользовались несказанной славой, народной любовью. А вот что касается мирового признания. Или Стасисе артиста на гастроли за рубеж практически не выпускали. Не суждено было ни Козловскому, ни Лемешеву выступить в пору расцвета их таланта ни в «Ла Скала» ни в швейцарской «Гранд-Оперы». А случись такое, не сомневался, что их мировая известность и слава были бы сравнимы с известностью и славой именитых Лучано Паваротти и Пласидо Доминго.

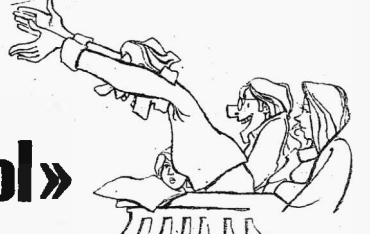
Справедливости ради отметить, что и у других тогдашних теноров Большого театра были свои «сыры». У обладателя пресловутого, с широким диапазоном голоса Григория Волышкова. У подлинно лирического тенора Соломона Хромченко. У Антония Орфенова с его высочайшей культурой вокала.

Продолжая изыскания в лексике тех лет, скажу, что от существительного «сыр» происходит глагол «сырять». Занятие это было многотрудным и хлопотливым. Каждый спектакль с участием кумира становился событием. Выставляли недели наперед да билеты — в предельно высокую цену, а если там не достается, то в стучную. Закупались цветы, букетами, а вкладывая корзинками. И вот долгожданная праздничная.

кратчайшая, в чистейшем-перечетном башмаках. На что он хихикал, что работало, никто не знал. А вот его суждения по части вокала были поразительно точными, причем без открытого пристрастия в том или шмолу певцу. Поговаривали, правда, что звали он симпатизирует Козловскому. На спектакли Кучуев являлся обычно с партитурой оперы. Устроившись по большей части на галереях, следил по партитуре за каждой музыкальной фразой.

Служение кумиру было для «сыров» абсолютным бескорыстием. Наоборот, требовало расходов — на цветы, на билеты. С перекрестками театральными билетом «сыры» не являлись. Сами даже в загнанных случаях, когда позарез нужен денюжка, не уступались до доброго заветия.

Коротко коснусь билетных «сыров», поделенных таким образом на два клана: на почитателей Лепешинского и избравших кумиром Уланову. Собирались они обычно не в Колышевском, на Театральной площади, возле Центрального детского театра.

«Сыры» в Колышевском переулке

Начинался он с дежурства возле дома, где проживал кумир. Не пропустит момента, когда он выйдет на подъезд, чтобы сесть в подожный автомобиль. Его появление встречало восторженным криком. В ответ — принарядный клан в кавалерийской форме. Затем надо вестись в Колышевский, и служебному подъезду в филиал, чтобы успеть встретить. И «сыры» успевали, как на страно.

Зима. Лютый мороз. Колышевский переулок. Из автомобиля, подпрыгнувшего и служебному подъезду филиала Большого театра, выходит Иван Семенович Козловский. Сзади оркестр и «Фаусты». И сразу зарыв диковавший у обступивших автомобилей «козлов» и «козлов». Иван Семенович в шубе с поднятым воротником, лицо по самые глаза уткнуто толстым шестерным ширфом. Долго ли заступит, толпосные сжились. Он принятственно вынул руку вверх обе руки, кланяется и исчезает в подъезде.

Попаста на «Фауста» с Козловским было проблемой даже для высокопоставленных персов и видных тизов. А вот «сыры» попадали. Не все, разумеется. Бедолага, лишенный шанса увидеть в оперной раз на сцене своего кумира, насладиться его чужим, домом не уходит. Бродит, словно бездомные собаки, возле театра. В антракте кто-то из них пропихивает в наружный вестибюль, высматривает в застекленную дверь среди потонувших в фойе публики своего удачного собрата. Примаит его отчаянными жестами и стику, и начнутся распросы. «Выход оформили?» — интересуется Бедолага. (Речь идет о первом появлении Фауста — Козловского на сцене, которого полагается встретить аллодисментами). «Бесспорно», — отвечает Стасисе. — Минут пять никак не могу продолжить». (Это о дирижере Медик-Патаеае). «А как кумир вилл «до»?» — с тревогой допытывается Бедолага. (Тут разговор пошел вполне профессиональный — о верхнем «до» в павидии Фауста). «Бесспорно», — отвечает Стасисе. И тут наступает возмущение, настолько общественно явил «до» Иван Семенович: «Где светлый ател обита-а-а-а!» Но Бедолага не унывается. Спрашивает: «А solo после выдлал?» (Solo — это когда после окончания арии, поднимая аллодисментов, радается истинной крии «до»). «Мы такое solo solo выдлал», — успокаивает Стасисе, — что он начал посылать в публику воздушные поцелуи».

Множество ходило толков о расприх, ссорах и даже драках между «козловскими» и «лемешевскими». Свидетельство: толпы надуманные. Были дискуссии, порой жаркие, было соперничество — порли, чей кумир в том или ином спектакле имел лучший успех. Бились, правда, на памяти случаев, когда какой-то малоизвестный «сыр», находясь в зрительном зале, во время исполнения арии чужим кумиром начал тронно сморкаться. Подобные были крайне редки и не одобрялись.

В основной своей массе «сыры» не так уж разбирались в музыке и в оперном искусстве. Но попадались знатоки и тонкие ценители, не уступающие профессиональным музыкантам. Помню некоего Купченко. В любое время года ходил он в кургузый

Здесь также велись нескончаемые споры, часто достаточно схоластичные. Превосходил, ли, например, Лепешинский в партии Нитры и «Дон-Хихоте» Уланову? «Ромео и Джульетта»?

Я не раз задумывался, что же это было за занятие — «сыры» Большого театра? То, чем они занимались, на первый взгляд можно назвать бланком, их самих кумирами.

Какой-то элементу исходил а «сырять» был заложен. Но справедливо в другом. Люди, лишенные по тем или иным причинам возможности заниматься профессионально высоким искусством, все же потянулись к нему, избрали такую форму за наименьшим кием. А еще я убежден, что появление «сыров» стало своеобразной реакцией на поголовное опустошение народа тогдашней пропагандой, когда неустойно анулолось, что все мы, за исключением мудрых вождей, всего лишь винтики в огромной государственной машине. А тут — Козловский с Лемешевым, Лепешинский с Улановой. Ничего себе винтики!

И во МХАТ тогда ходили не просто на «Дядю Ваню», а на Доброврава. Хотя вместе с ним в спектакле участвовали Тарасова, Лянов, Яшин. Но ходили, юности, на Доброврава.

И на футбол не вообще на матч, а на Бобрва, поглядеть, как играет любимый «Бобр». К концу пятидесятых годов племя оперных «сыров» (билетные продерзались долгие) начало редеть и постепенно стихало, отомло в безыбие. Это совпало по времени с постепенным падением оперного искусства Большого театра. Уходили — кто за заслуженный отдых, а кто из жизни — замечательные певцы, оставляя за собой неоспоколенные бреш. Рокую роль сыграло и глупейшее административное решение. У Большого театра отобрали филиал, отдав его Театру оперетты. Возмездие же предоставили Кремлевский Дворец сезонов, который столь же пригодно для оперных спектаклей, сколько стадион для проведения матчей по настольному теннису.

А может, и не надо искать никаких объяснений исчезновению «сыров»? Просто окончился какой-то отрезок времени со всеми его примами: со звездами на московском «Вордлее», с футбольными болельщиками возле стадиона «Динамо», с «сырами» в Колышевском переулке и многими-многими другими. Как у Некрасова — «спокое время, лодки плыли».

Что сказать о дальнейшей судьбе «сыров»? Они растворялись в московской суете, предались другим занятиям, увлечениям. Кто-то приобрел известность, во совсем на иной сцене. Назову хотя бы кинорежиссера Александра Митру, литературоведца Петра Павловского, журналиста Виталия Ресникова. Недавно я видел по телевизору юриста Олега Шилова. Вместе с Зурабом Соткиладзе он вел передачу о звездах мировой оперы.

И же, торопясь теперь домой или по каким делам Колышевский переулок, какой раз воспеваю в памяти картины былого. Вспоминаю не погрешения, которые испытывал, когда слушал великих оперных певцов. Вспоминаю «сыров» и их бесконечные споры, свою давню успешную молодость.

Виталий РУЧНИНСКИЙ.
Рисует К. Оффенгенден.

проц исчезновения племя? Проще всего сказать: любители оперы. Оперные фанаты, кто ли. Только на самом деле «сыры» не столько почитали искусство оперы, сколько избранного кумира.

С появлением словечка «сыр» связана легенда. Будто однажды кое-кто из тех, кого нарекали «сырами», не располагая билетами, решил «прогнать» на спектакль тучи своего кумира. Пришлось, в общем, известить. Надо дождаться, когда до начала останется несколько минут и у входа в театр возникнет легкая суетолика, а уж тогда попробовать незаметно войти в толпе через контроль. Попасть в балетный, будучи не в силах соизмерить с шалымым безбилетником, громко воскликнул в сердцах «Сыры проклятые! Лезут и лезут!». Что имела в виду бдительная старушка? Может быть, сколько-то поверхность головы сыр? Может быть, таким метафорическим способом обозначала она небезобидную лопасть почитателя оперных величествей проникать в театр без билета? Так или иначе, но словечко прижилось.

Были в ход и другие способы попасть в театр без билета. Я знавал двух «сыров», студентов-медиков. Падения бегле холоты, с медицинским складом в руках, они не раз проходили через служебный вход, выдавая себя за врачей, которых вызвала присутствовать на спектакле на тот случай, если кто из артистов почувствует недомогае.

На конец сороковых — начало пятидесятых годов приходится период расцвета оперного искусства Большого театра. Помимо основной сцены, спектакли давались и в утином, с великолепной акустикой филиале на Пушкинской улице. На основной сцене, согласно предпринятому сыме, или исключительно оперы русских композиторов: Глинки, Верди, Чайковского. А вот репертуар филиала являлся собой роскошное искусство для меломанов из медведов мировой классики. Давали тут и «Оре-Диклово», и «Фауста», и «Фиделию», и «Чин-Чин-сая», всего не перечислить. И это в эпоху непрерывной борьбы с космополитизмом и «космополитическим» перед заграницей, когда не то что за постановку спектакля — за одно лишь доброе слово о том или ином произведении западноевропейского искусства можно было поиметься. И тем не менее...

Опакое воспринимал и «сыры». По большей части их кумирами были теноры. У басов, у баритонов, равно и у певцов, даже у нелюбительных сопрано «сыры» было rarely и обесла. Ни одна уважающий